

АРТЕМИЙ РУСОВ

НАШЕ СРЕДСТВО

18+

Артемий Русов

Нашествие

«Автор»

2026

Русов А.

Нашествие / А. Русов — «Автор», 2026

Иван Чай — упырь и сотрудник Имперской безопасности. Он живёт в Белокаменной среди чертей, гномов, эльфов и людей и по долгу службы ловит иномирца Кирилла Черноусова — одного из пришельцев из якобы "лучшего" мира, эльфийского подсвинка, мечтающего об окончании столетней битвы с Огрией любой ценой. Черноусов — автор книги "Безмолвие": крамольного текста, опасного для Империи, но бестселлера в Эльфийском Союзе. Вместе с организованным подпольем этот иномирец готовит свержение Императрицы и захват власти. Иван, защищая национальные интересы, оказывается предан теми, кому доверял, получает срок и попадает на битву в чортов ВК "Рядан". Претерпевая метаморфозы, он узнаёт, что в тайных алхимариях поля брани сокрыто оружие, способное переломить хребет клятым ограм и их бессмертному владыке — Богу-Вождю. Сможет ли Иван победить огров, защитить Империю от внутренних врагов и сохранить свои духовные ценности? И так ли всё однозначно?

© Русов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора вместо предисловия и посвящения	5
Часть 1 — Белокаменная. Мемуар 1 — Контора	6
Мемуар 2 — Текст	13
Мемуар 3 — Семья	21
Мемуар 4 — Лицедей	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Артемий Русов

Нашествие

От автора вместо предисловия и посвящения

Я вижу это произведение как панк-роман. И хотел бы написать другой роман, вовсе не «панк», но в 2025 году этого сделать не могу. Вернее, могу, но «в стол». Поэтому написал «Нашествие», где спрятал «Безмолвие». Получается, что перед читателем книга о несуществующей книге в мире, которого нет. Стоит пояснить: Все описанные события, места, герои и менталитеты являются производным воспалённого подсознания автора и к настоящему Миру не имеют никакого отношения. Совпадения имён, исторических реалий и высказываний совершенно случайны. Автор не разделяет ни одну из точек зрения героев (за исключением, конечно, самых добрых и светлых). Персонажи — симулякры симулякров. Истины и откровений в их словах искать не стоит. Все иные мнения о книге являются происками спецслужб Империи, Белогорья, Эльфийского Союза и их противников. Любые выводы и эмоции, возникшие в процессе и по итогу чтения, имеют место быть и могут быть как правдивыми, так и ложными. Но — настоящими.

Часть 1 — Белокаменная. Мемуар 1 — Контора

Первого иномирца я поймал в сорок шесть. То был горластый активист — когда вязали, орал, как диавол. Кичился, угрожал, тряс патлами, в перерывах воплей харкался. Знал, что отправят в узилище. Плеснул мне в лицо зельем для художеств, тварь. Но сейчас не об этом.

Все мы не без греха. Так вот и я — Иван Васильевич — грешен. Стыдно мне. Поэтому расскажу.

Повысили тогда. Не Кешу, а меня. Кеша обиделся страшно: отсел за свободный и усталый старой пылью стол, долго смотрел, пыхтя, потом встал и утащил туда свой барс. Ни слова не говоря, лишь поматериваясь, стал подключать его шланги, жать на кнопки, давить на рычаги, стучать пальцем по стеклу экрана. Так и не включил. Плюнул, вышел из кабинета за техрабом.

Новое место я не заслужил. Кеша достойнее. Он и служил дольше, и образование у него высшее, и звёзд заработал. Заработал, кстати, не просто так — звезду одну посадил языкастую, слух и глаза она всем смозолила своими выпадками. За звезду — звезду, то бишь.

Шеф наш бывший, Кузьмич (благородный гном, между прочим), недавно отчалил на битву в Огрию и попал там в плен. Меня на его место и посадили. А за какие грехи? Вот за какие: двоюродный брат у меня выше Кузьмича в два раза и на два чина — полковник, сюда и посадил. А Кеша кто ему? Да никто. Хоть и умный дохрена.

— Своих мы к себе поближе держим, — сказал тогда брательник. — Да и тебе уже, Ваня, за сорок, пора и поруководить.

А кем руководить? Кешей? Им одним и есть.

Тогда работал я на Имперскую безопасность — в народе просто: ИБ. Контора как бы государственная — звания, погоны, всё как надо — но больше частная. Как ВК «Рядан» — великие имперские воины. Известно, для чего так сделано — чтоб было больше частных вложений. И работали чтоб лучше.

Но ещё десять лет назад был я обычным человеком, сторожевым ментом, патрулировал Белокаменную. Ещё раньше — охранником в гастрономе и грузчиком. Не складывалось всё у меня. Умом особо не вышел, верховных училищ ваших не оканчивал. По образованию я — обходчик ЖД-путей. Но ни дня по профессии не отработал.

В школе учился не ахти, но спортсменом был первоклассным. С семи лет батя отдал в борьбу, медалей целый ларь у матери до сих пор хранится. Затем подростком увлёкся гирями — второй ларец кубков. Между этим ходил в кадетах. Маршировали мы, помню, на парадах. Красивые, подтянутые, в форме имперской, в чёрных беретах. И дрались с пацанами с другой школы по-страшному. У них свой кадетский класс, а у нас свой. Вышли, помню, всем отрядом летом в лес в поход. В самую глушь зашли, с тропы свернули, потом ещё свернули, чорт знает куда забрели и разбили там лагерь. Темнеет, мы уже браги напились, сидим у костра, байки травим военные и слышим — музыка. Собрались втроём, пошли на разведку. Шагов сто прошли, видим — эти там сидят, с девками! Мы как были трое, так и ринулись в бой. Получайте, огралюбы клятые! Расфигачили им там всю поляну, по соплям надавали знатно. Но и сами, конечно, получили, чего таить. Потом с ними же и допивали свою брагу. Побратались, в общем.

Ну и в пятнадцать после школы ушёл в училище. Там с пацанами сколотили банду и махались с ПТУшниками все три года, пока одного не грохнули и нас не разогнали сторожевые.

Потом — армия. Два года от подъёма до отбоя. Учебка, квадратные сугробы по снежным ночам, а утром — уборка луж лопатами. Построения, тревоги, дуэли на мечях, стрельба из свитков, крылатый десант, школа жизни. Вышел старшим сержантом. Как раз в то время к власти в десятый раз на десятилетний срок пришла наша Святая Императрица. Всегда голосовал за неё!

Никуда устроиться не мог, без опыта даже обходчиком путей не брали. Взяли разгружать вагоны. Через месяц сорвал спину, долго лежал, а когда встал и вышел — узнал, что уволили. Кеша, тогда частный сантехник, сказал своим писклявым голосом:

— Не горюй! Я знаю, чего тебе делать...

Окончил по его совету курсы и взяли охранником в гастроном. За три года работы воочию наблюдал, как становится лучше жить: в первый год каждый день ловили воришек, во второй протянули кишки связи и поставили очи следить за всеми, а в последний и арки-карманки для поиска ножей. Мышь мимо нас проскочить не могла! Только лишь почтовая. Девиз нашего ЧОПа был: «Забота и безопасность!»

Брательник приехал в Белокаменную и сразу меня нашёл. Перевели его из Загорья нашего в столицу. Вот, устроил меня в ППС.

Сначала работали с бомжами и блаженными. Потом — с закладчиками. Гонялись за ними по паркам, неблагодарная работа. Иногда путан шугали. Так лет пять. Но вот стало интереснее: охраняли митинги, участвовали в акциях. На забастовках помогали сторожевым, вывозили в узилище тех буйных, коих скрутили наши молодчики. Тогда-то и появились на митингах иномирцы — провокаторы, пришельцы якобы из лучшего мира. ИБ с вниманием, но осторожно на них смотрела.

Заметили меня. Вернее, моего брата — и вот мы в конторе, работаем на благо Родины. Первым делом собрали папочки на отличившихся во всевозможных протестах иномирцев. Времена наступали беспокойные. Всё после возвращения полуострова в родную гавань. Огры совсем тогда очумнели: людей начали притеснять, устроили у себя репрессии всевозможные, ходили «хойда!» орали. «Хойда» — боевой клич ветеранов Великой Войны! Забыли клятые, кто тысячу лет назад её закончил! Кто народ-победитель! ИМПЕРИЯ! Ни как уж не вшивая Огрия!

— Фашисты! — говорил мне Кеша. — Всех их там пересажать надо! По главному каналу ковра показывали, как они со своими нацистскими символами стоят перед своим Богом-Вождём на коленях! Понимаешь? Сто лет с ними бьёмся, и ничему они не научились!

— Такое просто так оставлять нельзя, — отвечал я, разливая по чекушкам мору. — Они и наших там бьют!

— Это всё эльфы им устроили, — продолжал Кеша, поднимая чекушку. — Давай. За то, чтоб у всех врагов Родины уши острые поотпадывали!

Выпивали мы с Кешей нечасто, только по большим праздникам. В тот день отмечали годовщину воссоединения полуострова с Империей.

Катя моя Кешу не любила. Считала его браголюбом и бабником. Кеша что тогда, что сейчас бессемеинный. Ну, как, есть у него и сын, и дочь от разных женщин, плотит им обеспечение. Называет ошибками молодости.

А Катя у меня умничка. Работает учителем истории в средних классах. Рассказывает о великом пути нашей Империи. За все века как её только не величали, но оставалась она всегда землёй Родной.

С Катей мы познакомились в гастрономе, где раньше работал. Заходила она почти каждый день в местный продуктовый, покупала по две больших сетки всякого. Что странно: одна жила, это знал наверняка. Ни разу не видел с ней мужчину, ребёнка или даже мать-старушку. Снова тащила сетки, а у меня смена закончилась. Догнал, предложил помощь. Донёс сетки до её квартирки, да так и остался на двадцать лет, своего-то жилья у меня не было, только съёмный угол.

Продукты она носила в храм Империи, оставляла для нуждающихся. Как на зарплату учительницы можно купить столько всего? Собирала с родителей учеников. Конечно только с тех, кто добровольно подавал. На благое же дело! Но за такое *сегодня* выгнали бы тем же днём по одной лишь кляузе какой-нибудь ненормальной мамыши.

Столько вместе с ней прошли, и вот гордо носим нашивки имперцев. Она — как заслуженный учитель, я — как работник ИБ. Уже пять лет не сдаём красную и еду людскую не едим!

*

После утреннего вливания пошёл работать. Запустил барс. Тот захрюкал, заскрипел, затрещал и вывел картинку.

Вести Империи:

Попытка атаки огненными ядрами из Огрии в очередной раз провалилась: все затушены на подлёте к Белокаменной средствами противоогневой обороны;

Суточная сводка с битвы: уничтожена тысяча огров, сотня боевых коров пехоты, три военных поезда и один боевой дракон с метками ЭС на крыльях. Потерь среди личного состава имперцев нет;

МИД Империи выразил протест Эльфийскому Союзу в связи с уничтоженным драконом и напомнил об алых линиях в вопросе поставок боевых животных Огрии. Царь гномов Белогорья призвал все стороны к скорейшему завершению столетней битвы и к переговорам;

Пресечена попытка поджога пункта вербовки имперских войск. Поджигатель испепелён на месте.

Закрыв вести. Ничего нового.

— Здорова! — В кабинет влетел Кеша, схватил мою руку и затряс. — Слышал новости? Дракона подбили! Эльфийского!

— Знаю. Сколько за сто лет их уже извели? А всё говорили — вымирающий вид.

— Это эльфы их в своих алхимариях выводят! Я в ковре видел, передавали вчера. — Кеша засуетился возле своего стола, перебирая свитки. — Где же оно... А, Вот! — он вздёрнул скрученный пергамент. — Ты вчера ушёл, а пришло новое указание по нашему иномирскому активисту. Вот, прочти.

Взял, пробежался по строчкам.

— Как отпустили?!

— Ваня, я же говорил: надо больше под него копать!

— Да он меня зельем облил! Считаю, совершил нападение! Сопrotивлялся при аресте! Тут как минимум на две статьи!

— Это же не я придумал. — Кеша сел, зацепившись ногами за единственную ножку стула. — Написано: нет состава преступления.

Я встал, взял ватник. Кеша смотрел, моргая, ждал.

— В узилище я. Разберусь.

На лестнице закурил. Женщины, что-то обсуждавшие на площадке между пролётами, притихли, посторонились. Не здороваясь, прошел мимо, почувствовал их взгляды в спину.

В городе ночной снег уже растаял, но дорога была ещё мокрая, только начала прогреться под восходящим солнцем. Обходя лужи, пошёл к стоянке извозчиков.

Мой как всегда сидел на облучке повозки. Лошадь что-то ела.

Извозчик увидел почти докуренную папиросу, гнилозубо улыбнулся, показал мне пальцами щепоть. Я подошел, отдал ему бычок. Мужик довольно крякнул, затаился несколько раз. Когда пепел и недотлевший табак отпали от фильтра, положил окурочек в карман.

— Ну, куда? — спросил извозчик, косясь на то, как усаживаюсь.

Я посмотрел на его бородищу, на то, что в ней копошилось, на повернутую ко мне половину лица — чумазую и в бородавках, — на торчащие из черепа чёрные рожки, в блестящий красный глаз и сказал:

— К Наталье.

*

Дома её не оказалось. Тогда поехал в верховное училище. Караулить.

Она вышла спустя час. Сбежала по ступеням крыльца, такая лёгкая, тонкая, юная... В руках — синие папки, прижимала к груди. Моя Наталья. Но меня не заметила, пошла в парк к компании молодых людей. Те поприветствовали мою любовь. Обнялась с каждым. На последнем, наконец, увидела мою повозку. Отстранила парня и стремительно пошла ко мне.

— Иван! Снова выслеживаешь?! — Показалось, что папками она запустит мне в голову, но пыл проходил с каждым шагом. — Что за шуточки! Я понимаю, что ты детектив, но я же не какая-нибудь преступница, чтобы за мной вот так из-за кустов...

— И тебе привет, малышка.

Она, глянув на извозчика, смутилась.

— Какая я тебе?..

— Ну, хватит. Залезай давай, садись рядом.

Залезла, села, накрыв колени папками.

— Куда, барин? — спросил извозчик.

Наташа поправила волосы — синие до плеч — и с интересом взглянула на меня.

— В театр! — ответил я извозчику.

Показывали новую пьесу «Басня стужи и зноя» Романа Снегового. Снеговой — талантливый драматург, на его постановки ходила даже сама Императрица. Единственный иномирец, достойный славы, а не узилища.

Сели в третьем ряду. Колени Наташи были белы и манящи. Папки она оставила в повозке, и теперь поправляла платье, тянула его книзу, но никак не удавалось скрыть всю эту прелесть.

— Не смотри! — не выдержала она.

— Чего я там не видел, — сказал, снял ватник и накинул ей на ноги.

Наталья покраснела, обернулась, встретила презрительным взглядом дамы в круглых крохотных очках без дужек — казалось, очки вот-вот скатятся с носа, полетят вниз и с писком разобьются.

— Холодно здесь, — объяснила Наташа и отвернулась. Дама лишь блеснула стеклом очков и кончиком клыка.

Погасили свет. На сцену вышел воспетый в пьесах Снегового великий богатырь Гордомунд-Наш в развевающейся плащанице. Жена моя рассказывала о нём детям на уроке истории каждый год: сын Белогорья, был обычным пахарем в Империи, но началась столетняя битва, и отправился он защищать Родину. Потерял всех товарищей, в одиночку одолел врага, с боем дошёл до стен столицы Огрии, но пришло повеление от самой Императрицы: в город не входить, отойти на безопасные рубежи. С ограми и эльфами договорились! Гордомунд-Наш скинул наземь плащаницу, плюнул на ворота Огриграда да и вернулся в родную деревню в Белогорье, где его — героя — отравили завистники-супостаты палёной морой. И сгинул богатырь земли Великой. А огры и эльфы клятые обманули всеблагу и всепрощающую Императрицу, и длится битва уже сотню лет.

У детей к концу урока был лишь один вопрос к учителю Кате: а почему Гордомунд — и Наш? Гордомунд-то поня-ятно, — махали они рукой, — а Наш? Катя отвечала: а чей ж ещё-то? Не эльфийский же! И не белогорский, хотя и родился там великаном среди гномов... Наш!

*

Извозчик остановил у дома Наташи.

— Ну? — Она повернулась ко мне. — Целоваться будем?

Моя рука, всю дорогу лежащая на её колене, поползла выше.

— Нет-нет-нет! — Наташа замотала головой, попыталась убрать руку, но та, непослушная, всё ползла, лишь чуть замедлилась.

— Почему?

— Сегодня и завтра — только целоваться. — Наташе наконец удалось освободить ногу от моей хватки.

— Что, опять красные? — Смотрел на неё с недоверием. Внутри горела страсть. Похоже, придётся тушить.

— Вообще-то у эльфиек они приходят чаще, если ты не знал! — Наташа сжала губки, но снова надула и сказала: — Так что, целоваться?

Накинулся на её губы. Заметил, что извозчик смотрит в шторку — задёрнул от него.

— У-у! — Наташа оттолкнула, схватилась за рот. — Поумерь свой пыл! Снова меня клыком прокусил!

По её подбородку сбежала капелька красной. К огню страсти добавилось то звериное чувство охотника-имперца.

— Ваня, вдохни и выдохни, — сказала Наташа, отстраняясь и усмирительно показывая ладони.

Я уставился на неё, выдавил:

— П-прости...

— Пойду, — Наташа открыла дверцу, не сводя с меня глаз.

— Постой. — Провёл себе по лицу рукой, успокаиваясь. — Когда могу приехать?

— Я тебе мышку pošлю.

Уже собиралась уйти, но схватил за запястье:

— Не обижаешься?

— Ваня, нет! Не в первый раз! Но больше так не делай. Пока!

Ушла. Смотрел ей в след через проём дверцы, пока не зашла в дом.

— Куда, начальник? — спросил извозчик.

Я покатал во рту вкус Наташи — всё-таки у эльфов красная слаще, чем у людей. Такая бархатистая, нежная... Как я до сих пор не сожрал эту красотку?

— Нача-алник?!

— В узилище вези, куда ещё! Чорт ты лысый!

*

— Ну и что, что чорт, — ворчал в дороге извозчик. — Ну и что, что лысый? Зачем напоминать? Зато кровушку мою не попьёте, как у человеков, погано вам...

— Я слышу! — крикнул ему в окошко. Извозчик подпрыгнул, выматерился и погнал быстрее.

В узилище я зашёл без пропуска — сторожевой вытянулся, отдал честь, косясь на мой рукав с нашивкой. Я прошёл через рамку. Рамка завизжала на весь этаж, но сторожевой быстро выжал рычаг, прекратив её истерику.

Не стучась, я открыл дверь кабинета начальника узилища. Начальник сидел, уставившись в экран барса. Позади на стене висели портреты Императрицы и её отца. Оба в профиль, смотрели друг на друга.

— Где иномирец? — спросил начальника, снимая ватник.

— Какой? — Начальник поднялся. Нерешительно стал то поднимать к голове, то протягивать руку. Я, повесив ватник на спинку стула, перехватил его пятерню, сжал ладонь и, глядя в глаза, сказал:

— Активист. Я его полгода разрабатывал. — Сжал руку сильнее. — Почему отпустил?!

— Иван Васильевич, — заторопился начальник, изворачиваясь всем телом в желании освободиться из моих тисков. — Так решил судия... Нет доказательной базы! Долше трёх ночей держать не имеем права!

— А вот это что?! — отпустил начальника и указал на свою щёку. — Не доказательство?!

Начальник узилища несколько раз глянул мне в лицо, с каждым разом смущаясь всё сильнее, выдавил:

— Ваш протокол... о нападении на сотрудника ИБ... вы его сделали по старой форме... судия во внимание не принял...

— По какой ещё старой, упырь? — надвинулся на него через стол. Начальник отступил к стене с портретами вождей. И вдруг, словно почувствовав защиту ликов, заявил:

— Прошу не выражаться, Иван Васильевич! Мне дали приказ — я исполнил! Иномирец убыл за границы Белокаменной ранним утром, ещё даже снег не сошёл!

— Вы ему и подписку о невыезде не дали?!

Я обошёл стол, приблизился к начальнику, взглядом вдавив его в стену. Но отвернулся, сел за его стол, разблочил барс, начал искать досье на активиста, нашёл, залил его данные в осферу, нажал «обработать». Вышло несколько билетов, с разных станций в разные забугорские города. Отправление — через час, и два, и три.

— Да я тебя, упыря... — проговорил я, вставая.

— Прошу не выражаться! — завизжал начальник, выставив клык и схватив стену за спиной растопыренными пальцами. — Не было оснований! Судия сказал: надо лучше собирать базу!..

— Ты меня учить будешь, как работать?!..

Поперхнулся и отложил разборки — времени в обрез. Вышел из кабинета, по длинному коридору — в самый конец, в канцелярию.

— Одну мышь в управление! Срочно!

Писарша выпучилась на меня, расплескав по кнопкам барса горячий чай. Кнопки вытянулись, вздыбились соскАми — барс с досады зашипел.

— Пиши: первая часть: наряды на вокзалы: Южный, Юго-западный, Западный, Северо-западный, Огринский и Эльфийский. Вторая часть: Задержать: иномирца активиста Магомедова А-Вэ. Примета: патлы. Поняла?!

— Да-да-да-да-да... — Писарша шлёпала по кнопкам, брызги пролитого чая летели в разные стороны.

— Вторую часть дублируй на все вокзалы. Мыши есть?!

— Да-да-да... А на все вокзалы вообще или только на эти?

— На все!

— На все мышей не хватит!

— Тогда на эти! Чорт!

— На эти, так на эти. — Писарша надулась. — И я, к вашему сведению, уже давно не чорт. По паспорту — человек!

*

Извозчик нёсся по Имперскому проспекту. Я подгонял. Мужик рычал, хлестал лошадь. Та ржала.

Мимо проносились столбы линий кишок связи, ковры. Те висели высоко, развевались. На них Императрица рассказывала о новой жилищной программе для правнуков ветеранов битвы, что добровольно отправятся защищать Родину. Властный голос разносился по всему проспекту, перескакивал с ковра на ковёр. *Только здесь* они были говорящими.

В конторе Кеша уже вовсю рассылал сторожевых на вокзалы.

Я сел за свой барс, надел маску. Она закрыла глаза, нос, рот и уши. На щеках при каждом выдохе надувались кожаные мешки. В ушах забулькало, будто опустил голову в воду. Нырнул в хаб осферы и вынырнул на ближайшем вокзале в главных очах. Словно парил под купольным сводом. По залу роились люди. Меж их стоп — вереницы мышей. Если размыть изображение, то похоже на живое болото.

Слишком крупно. Перепрыгнул в очи вокзального через его рог-транслятор — знаю, что в гражданских прыгать запрещено, но за пять секунд меня отследить не успеют. Просмотрел списки отправления составов. Вот! Уходит через пять минут. Регистрация — так-так-так... Не проходил!

Втягиваюсь обратно в хаб, вынырываю на следующем вокзале...

Нахожу активиста только на пятом. Уже отметился, сидит на перроне, спрятав лицо в свисающих патлах. Отправление через полчаса.

— Быстро! — Я сорвал маску. Кеша отпрыгнул. — На Западный вокзал! Он там!

*

— Все кони под сторожевыми. — Конюх потел, шевелил мохнатыми бровями и усами. — Я чего поделаю, начальник?

— Чорт! — Протянул руки, желая придушить конюха. Тот отпрыгнул, цокнув копытцами.

— Начальник, — сказал он обиженно. — Ну, зачем обзываешься...

Я вылетел из конюшни. Извозчик курил чей-то бычок, довольно щурясь. Увидев меня, выпучил глаза, спрятал окурок в карман.

— Коня! — заорал я.

— Чего?

— Коня дай! Распрягай! Живо!

Извозчик спрыгнул.

— Да как же, у меня и седла нет.

— Конюх! Чорт! Тащи седло!

*

Я скакал по Имперскому проспекту, криком разгоняя прохожих и других наездников. Повозки шарахались в стороны, накрениваясь на один бок.

Темнело, становилось всё холоднее. Конь ржал, он него валил пар. Я знал, что в это время загонять лошадь нельзя — у животного от быстрого похолодания может свести мышцы, и наездник рискует упасть вместе с ним прямо на дороге. Но выбора у меня не было: поезд отправлялся через пятнадцать минут, а скакать до станции ещё не меньше двадцати.

Началась метель. Дорога затянулась коркой, покрылась снегом. Я уже видел станцию. Поезд стоял на путях, дым валил из трубы. Вой — и состав тронулся.

Конь норовил свернуть, дёргался, ржал, но я не позволял, направлял его прямо на железную дорогу, вслед за поездом. Насыпь уже была в снегу. Конь, несмотря на мой гнев, сбавил темп.

— Пошла!!!

Догнал поезд, поскакал сбоку. Свет станции вскоре пропал, и в темноте конь совсем взбесился, встал на дыбы. Я удержался, ударил его. Тогда зверь в три прыжка настиг локомотив, обогнал и поскакал перед ним.

Я показывал знаки машинисту, чтобы немедленно остановил, но поезд шёл.

Конь захрипел и упал. Я полетел на пути. Поезд завыл, свет его фар неумолимо надвигался на меня. Я напряг все мышцы и отскочил в сторону. Конь попал под состав.

Я встал на ноги, весь в снегу. Оказался на середине состава. Тот уже остановился, пыхтел, фыркал. Пар валил из-под колёс. Я забрался на подножку ближайшего вагона, рванул дверь в сторону, ввалился внутрь.

— Вы чего?! — заорала на меня проводница.

— И-Бэ! — Я пошёл по вагонам. Испуганные пассажиры прятались под одеяла. Из-под одного заметил торчащие патлы. Схватил за них, выволок вопящего активиста в проход.

Мемуар 2 — Текст

- Говори!
- Что говорить?
- Имя!
- Аполлон Вергилиевич Магомедов.
- Сколько прожил?!
- Девяносто восемь мне.
- А по лику — лет двадцать! Кто по расе?!
- Квадробер.
- Кто?!
- Да человек я, человек! Ну, иномирец, как вы нас называете.
- Откуда прибыл?
- Из Э-эС.
- Врёшь! Где паспорт Эльфийского Союза?!
- Потерял.

Я пристально посмотрел на активиста. Знал, что будет изворачиваться, как червяк на солнце.

- Как относишься к битве?!

— Так. Товарищ... как вас там по званию? Что вы мне всё на ты да на ты? Я с вами за ручку по проспекту не гулял, в театре праздно не восседал.

- Чего?..

Ко мне наклонился один из понятых. Прошептал, что пока активисту не вынесен приговор, к нему нужно обращаться только «на вы», несмотря на то, что он выглядит младше и не такой статусный. Не буду врать: был это мой первый допрос, и как вести себя с иномирцем ещё не знал.

Я кивнул, глянул на писаршу.

- Да-да-да-да-да, я пишу, пишу! — поняла она мой взгляд.
- Так. — Я заглянул в блокнот. — Аполлон Вергилиевич...
- Вергилиевич!

— ... знаем мы о Вас не всё, но многое. Впервые в Белокаменной замечены три месяца назад и уже стали активным участником подполья. Семь эпизодов задержания на митингах. Выкрикивали антивоенные лозунги! Да Вы хоть знаете, на каких митингах пытались смущать честных людей? А я сейчас зачитаю... Митинг за отправку на фронт большего провианта, митинг в честь захвата хутора Эн-Ю, митинг в поддержку жилищной реформы, митинг в память о Гордомунде-Нашем-герое-Империи, митинг за увеличение часов работы в полях картофеля и пшеницы, митинг во славу Императрицы и митинг... нет, одиночный пикет перед памятником Императрицы с плакатом, измазанным красной краской.

- Это была кровь.

Я оторвал глаза от блокнота.

- Да-да, — активист улыбнулся. — Самая настоящая кровь человек...

- Где убили и спрятали? Показать сможете?

— Никого не убивал! — Активист замотал головой — патлы запрыгали по вискам. — Обед ваш упырьский свистнул! Могу показать, где оставил банку!

С этим пусть менты разбираются, осёк я себя. Моё дело: имперская безопасность.

- Повторяю вопрос: как относитесь к битве?

- Никак не отношусь. — Активист помолчал и добавил: — Я невоеннообязанный.

- Кто освободил от военной службы?

— Э-эС.

— Законы Э-эС на территории Империи не действуют!

— И что же? — Активист упёрся в стол локтями, приподнял зад. — Отправите на фронт?

— Я — нет. Военкомат — обязательно. Но после срока в узилище за попытку подрыва государственности и за оскорбление Императрицы.

— Это обвинение?

Понятой снова наклонился к моему уху и сообщил, что такие заявления делать нельзя, что только судия может такое говорить.

— Я вас, уважаемый, не обвиняю. Моя работа: сбор доказательств.

— И что? Собрали чего?

Я вынул из красной папки показания свидетелей.

— Первый честный человек говорит: «Этот был... с космами на голове. Когда все славили Императрицу, он закричал: ... Нет, такое я повторять не буду!» Второй честный человек говорит: «Что касается господина в патлах, то он, простите меня за прямолинейность, забрался на дерево в полуголом виде и оттуда закричал: Убийцы! Кровососы! Ироды!.. Последнее слово я понять не могу, хоть имею верховное училище за плечами и десятилетия работы в департаменте печати». Третий честный человек говорит: «Я этого диавола волосатого так и хотел придушить! Назвал нашего героя, Гордонунда-Нашего, знаешь как?! Фашистом назвал! Да мы тысячу лет назад эту гниль собственноручно извели из эльфийских земель! А он — вспомнил, значит! Чорт вонючий!»

— Можете не продолжать, — сказал активист. — Всё это мне читал вчера судия. И отпустил. А вы меня нагло выловили и притащили сюда! Нарушаете мои права!

— Ты мне ещё поговори о правах, урод, — не сдержался я.

— Слышали?! — закричал активист — Обзывается! Понятые, господа! Прошу учесть! Мадам! Зафиксируйте в протокол!..

Я взял его за патлы и — визжащего — прижал к столу.

— Ещё покомандуй мне тут. Про новый закон, как я понял, ты не знаешь. Имперской безопасности разрешили знаешь что? Доставать сведения из таких, как ты, любой ценой.

Активист верещал:

— Не буду говорить! Такого не потерплю! Не имеете пра-ава-а!..

*

Конечно, ничего я ему не сделал, лишь припугнул. Закон есть закон — пальцем тронуть вражину нельзя, хоть кто он есть: убийца, насильник, террорист, иномирец. И активист горластый.

Вернулся домой уже под утро. Катя не спала, сидела за столом над бумагами.

— Ты чего? — спросил её.

— А ты? — Жена подняла на меня уставшие глаза. — Дети до темноты не спали, ждали тебя.

— Ну, дети уже большие... а ты что там пишешь?

— Да так...

— Идём спать?

— Сейчас... докладную добыю и пойду.

— На кого опять?

Катя зевнула.

— Один из учеников в сочинении про Императрицу назвал её... — Она замолчала, чуть покраснела. Затем написала на бумаге и показала.

Прочитал: «Императорка».

— Ты на ученика пишешь? Он, может, просто не знает, как правильно.

— Знать должен! Пишу на его родителей. — Она подняла одну из тетрадей, поднесла к глазам, цыкнула. — И здесь ошибка... Ваня, я закончу и отдам тебе, ладно?

Ну, как обычно, подумал я, уже привыкший носить её кляузы в контору.

*

— Всё, можете идти, — сказала кровинушка, убирая систему.

Я потёр место прокола на шее. Утреннее вливание сегодня прошло лучше, даже без раздражения на коже. Видимо, донор вёл здоровый образ жизни.

— Ой, подождите! — крикнула кровинушка мне в спину. — В журнал не записала... Напомните, как зовут?

— Чай, — ответил я. — Иван Васильевич.

— Так... Усов, Форт, Хитров, Царицын, ч... нашла! Теперь точно — всё.

Пошёл к лестнице, стал подниматься, но вспомнил, что обещал унести докладную жены. На лестничной площадке как обычно стояли женщины. Они вообще когда-нибудь работают? — подумал я. Кивнул их притихшим лицам, развернулся и ушёл вниз.

Приёмная находилась на минус втором этаже. Здесь всегда был бирюзовый свет от вьющихся по стенам корней, с потолка свисали светильники с вечными свечами.

Звук моих шагов разносился по всему коридору. Наконец, я дошёл до массивной двери из дерева, украшенной объёмным орнаментом — пастью дракона.

Постучал. Дверь открылась — пахло свежесоросшей утренней травой. Не успел шагнуть через порог, как услышал:

— Иванушка! Ваш брат сейчас очень занят!

— Передайте. — Я подошёл к столу и протянул референту докладную. — Оч-нь срочно.

— Хм... — Он взял бумаги кончиками клешней и близоруко приблизил к лицу. — И что на этот раз?

— Не знаю, — отмахнулся. — Не читал.

Референт задвигал усиками, заклокотал, взмахнул клешней с докладной и сказал:

— Передам. А вы, Иванушка, заходите вечером ко мне. Чайку заварю. Чай с Чаем попою, хе-хе...

Передёрнуло. Дьявола Грегора я боялся — да и сейчас боюсь — с того дня, как устроился в контору. Кажется, он работал тут с самого строительства здания, если ещё не раньше — жил в пещере под землёй, и уже вокруг него всё возвели, поставили перед ним стол, барс, надели ему на лицо (лицо ли?) круглые очки, а на верх мясистого тела (низ его был скрыт где-то под землёй) накинули рубаху и пиджак, да так и оставили сидеть референтом начальника ИБ. Проклятье, как брат не боится каждый день проходить мимо этого чучела?

— Зайду обязательно, — в очередной раз соврал я на его приглашение и ушёл.

*

В бумагах активиста нашёл то, что поможет засадить его в узилище на очень-очень долго. Написал он это, конечно, не сам, авторство мне ещё только предстояло выяснить. Но даже наличие в кармане таких записок приводит к ужасным для преступника последствиям.

Привожу достоверно, оттиск сохранил. Первая часть, что удалось расшифровать в тот день — написана пером от руки. Не все слова мне понятны. Например: телефон, генетика, пистолет... Но это и будет настоящим доказательством иномирства и предательства активиста.

*

Никогда бы не подумал, что друзья будут смеяться надо мной. И что это так обидно.

Плакал, спрятавшись в деревянном домике, спрятавшись в ладошках. За что? Мы же — друзья! Играем вместе! Копаем ров! Ма-ама-а!.. нет. Мама снова ухмыльнётся и будет дальше что-то рассматривать в телефоне. Один раз я взял его посмотреть: там под музыку танцевал какой-то дядька... Мама, вернувшись в комнату, выхватила телефон, зарычала, вытучив глаза. Тогда понял, что нельзя, хоть ещё не раз украдкой заглядывал в весёлый экран.

Весёлый — потому что мама над ним смеялась. Я любил её смех — тогда самому хотелось смеяться.

— Чего ты ржёшь? — спрашивала мама. — Понимал бы ещё хоть что-то!

А я многое понимал. Понимал, что дядя — он иногда приходит через большую железную дверь — это отец-называется. Мама всегда кричала на него, а отец-называется ей что-то протягивал и просил увидеть сына.

— Ничего мне от тебя не надо, скотина! — говорила ему мама, отталкивая руку, и то, что держала рука, падало, стелясь по полу. — Это ты виноват! Это твоя генетика! На меня всё свесил! Что мне твои деньги?! Ты мне ЭТОГО нормальным сделай!

Мама показывала на меня, стоящего в проёме зальной двери. Босого, в майке и плавках, трущего глаза.

— Ещё и отец называется! — говорила она.

...Что-то постучало по крыше домика. Я вздрогнул, вытер рукавом нос и поднял глаза. Меж досок сыпался песок.

— Эй! — послышалось снаружи. — Вылазий!

Узнал голос тёти Клары. Она — большая и тёплая — всегда меня находила, куда бы ни спрятался.

— Вылазий, говорю, слышишь там? — Вновь стук по крыше. — Или ты ещё и глухой вдобавок?

Вылез на четвереньках, встал, посмотрел на свои колени.

— Весь как поросёнок теперь, — сказала тётя Клара. — В будке что делал? Там Лайка по ночам ссить...

Взяла за руку, повела к друзьям.

— Вот, — показала на песочницу. — Тут играй. Понял?

Я смотрел на неё. Высо-о-окая...

— Понимаешь? — снова спросила тётя Клара. Не дождавшись ответа, махнула рукой и пошла.

Друзья копали ров. Не заметили, как я сделал к ним пару шагов и сел на землю.

— У тебя под попой моя денюжка. — девочка Катька — я знал её — подползла и легко толкнула в плечо лбом. — Ну? Встань!

Не дождавшись, она зацепила пальцами фантик и вытянула его из-под меня, затем положила в передний карман. Все девочки так играют, с фантиками. Вспомнил, как мама поднимала такие же с пола. Но отец-называется не видел, надолго спрятавшись за большой железной дверью.

— И что мне делать? — спрашивала мама у телефона. — Что, мам, что? Он меня бросил с больным ребёнком на руках, я тут одна с ним целыми днями... В обычный сад его не берут! Туда только нормальных, со всеми прививками! А мой что? Видеть его не... Вон, опять устался, сидит и смотрит на меня, хоть слово бы сказал... Мам, да кому я нужна-то теперь с ним?!..

Я посмотрел на девочку Катьку — она уже успела встать и отряхнуться. Катька заметила моё внимание, сказала:

— Пойдём, ты будешь мой кучер, а я — принцесса. Наши подданные строят мост на остров. Надо дать им денег.

Пошли к «подданным».

— О, тощий... — сказал один из них — Кешка, показав на меня пальцем.

— Он не тощий! — возразила Катька. — Он — мой кучер! Вот вам деньги!

Тут уже все посмотрели в нашу сторону.

Кешка, не оставив лопатку, подошёл, взял фантик из рук принцессы, поднёс к носу — понюхал, поднёс ко рту — пожевал, и сказал:

— Это — не деньги! Это — фальшивка!

Катька сжала губы.

— Сам ты фель... ишифка!

Кеика опустил лопатку, набрал песка и насыпал Катьке на живот. Песок соскользнул с цветов сарафана и попал в передний карман.

Катька заревела. Так же ревела мама, когда отец-называется долго не выходил из-за железной двери — ревела горько, с обидой. И жаловалась телефону:

— Он меня никогда не любил! Бросил меня... с этим бросил! У всех дети как дети, а у меня? Как я к подругам с ним пойду? Они вон своих детей в одноклассники выкладывают, типа какие они у них умницы-разумницы... а я?! А у меня?!.. Это всё он виноват! Он!!! Его гены! Его!..

...Я подошел к Кеике и толкнул его. Тот упал на зад, выпучив глаза.

— Альзь... Наль... Нельз-зя-я... — выговорил я.

— Нельзя девочек обижать! — подтвердила Катька.

Кеика поднялся, взял лопатку и пошёл дальше рыть ров.

*

Мама наконец отпустила гулять с отцом-называется. Представился он просто-папой. А потом и — папой.

— Ванечка, — говорил он мне, — посмотри, какая птичка!

Птичка правда оказалась красивая. Разноцветная, нахохленная, с большим жёлтым клювом. Его она открывала, растопырив крылья, и каркала.

— Попугай! — сказал папа. — Повтори — по-пу-гай!

Я смотрел снизу-вверх и улыбался. Здесь было много красивых птичек! Одни сидели на ветках, другие летали.

— Ой, — папа стряхнул что-то с рукава, сморщился. — Ладно, пойдём, тут ещё лиса есть, волк и лошадки!

У папы были квадратные очки. Иногда он их снимал, переворачивал, смотрел на свет, прищурившись, и надевал обратно.

— То ли волос какой, то ли трещина, — говорил. — Понять не могу.

По радио в машине папы рассказывали про войну. Что враг несёт потери, а наши скоро одержат победу. Папа переключал, но на всех станциях говорили одно и то же.

*

Я ничего не мог поделать со слюнями — они текли вязкой жижей. Сейчас я знаю, что это побочка клоназема, но тогда — давился, кашлял. Такое количество я не мог проглотить. Слюни падали на рубашку, на брюки, тянулись, рвались. Папа вытирал их мне, как мог, но платочек был уже весь мокрый и липкий.

Мы сидели на мягкой лавочке в большом светлом зале, заставленном стеллажами с книгами. Что мы здесь делали — не помню. Помню — чего-то ждали. На стене высоко был телевизор, в нём прыгали, держась за руки, балерины. Я смотрел, открыв рот. А слюни всё текли.

— Инвалид?! — Над нами встала, как мне показалось, крепкая старушка. Она была длинная, седая и серая.

— Ну, — ответил папа, — особенный ребенок, да...

— Хм. — Старушка поводила носом. — Не воняет.

— Вы тоже не... — Папа осёкся. Наверное подумал, что старушка сама поймёт сказанную ею глупость и уйдет. — Вы тоже вот пахните... духами.

Её духи дошли и до меня. От такого резкого запаха начал чихать. Слюни полетели в разные стороны, попали на руку старушке.

— Фу! — вскрикнула она, трясая кистью и брезгуя вытереть о юбку. — Книги не забрызжи! Я тут за них отвечаю!

Папа из вежливости предложил ей мой платок — старушка не заметила.

— Зачем вообще таких рожать?! — ворчала она. — Мучиться всю жизнь! Вот мой сын — герой войны, вернулся с медалями, руку и ногу героически потерял! Рассказывал, как зашли они в детдом, а там таких детей брошенных да больных — уйма! И взрослых никого, все сбежали, испугались наших! Так они этих детей — сюда, на Родину! А для чего? Чтобы на наши налоги их содержать?! Моё мнение — там бы их и оставить! Выблюдков фашистских!..

— Женичина, успокойтесь, — сказал папа. — Мы скоро уйдем.

Я все чихал. Слюни так и летели.

— Это ты успокой своего ненормального! — завопила старуха, потянувшись ко мне. Видимо, хотела прикрыть мне ладонью рот, чтобы не забрызгал её книги.

— Вы сама-то — нормальная? — Папа вскочил, встал между ней и мной. — Думайте, что предлагаете! Детей больных одних оставить на войне!

— Да как ты смеешь?! — заорала она. Теперь уже из её рта летели слюни на рубашку моего папы. — Да я — мать героя Родины! Он за тебя — козла — своё здоровье отдал!..

— Пойдем, Ванечка. — Папа взял меня за руку. — Подождём на улице.

— Вот и вали отсюда! — кричала в спину. — Со своим недо... недо... Аборт на таких надо делать!..

Мы вышли на улицу. Я смотрел на папу. Он, заметив, понял мой взгляд и ответил:

— Не обращай внимания. У неё горе — сын дома инвалид. Вот она и так. Мы в этом не виноваты. Ты не виноват.

А кто виноват? Но спросить я не мог.

*

Это мои самые ранние воспоминания: частный детский сад, уставшая нервная мать, папа в квадратных очках, зоопарк, библиотека... С них началась моя жизнь. Моя история, вплетённая в историю событий, происходивших тогда на Родине. Я болел — не мог говорить из-за сильного тонуса речевого аппарата, в четыре года только начал ходить из-за ДЦП и задержки в развитии. Причиной всему этому были приступы эпилепсии — из-за поломки лишь одного гена. Приступы начались у меня — со слов папы — в год, было их по пятнадцать-двадцать в день. Врачи никак не могли подобрать лечение. Каждые три дня в течение месяца кололи транквилизаторы. Наконец, нашли — клоназепам. Приступы купировали, но последствия и зависимость от этого лекарства остались.

*

Казалось, что про войну говорили всегда. Говорил телевизор, говорило радио, говорил мамин телефон. И мама говорила о войне телефону и бабушке, и бабушка в ответ — маме. И Кешка в садике говорил о войне — в игре я был враг, а он — за наших. Лунил меня лопаткой, а я с весёлым визгом убегал. Ещё не понимал жестокость.

Помню, телевизор рассказал, что объявлена мобилизация. Папа в тот день как раз пришёл за мной — мама ухмыльнулась, сказала:

— Ну, чего, теперь повоюешь? Отправят тебя туда, хоть денег с тебя нормальных получим! Хотя, кто тебя возьмёт? Ты же не мужик! Меня-то ни разу защитить не смог, даже от того алкаша поганого мента, куда уж тебе Родину защищать!..

Что ответил папа — я не понял. Уже на улице ему позвонили.

— К этому всё и шло, — сказал папа телефону. — Не бойся, до нас не дойдёт. Граница далеко. Мам, да не переживай ты, никому я там не нужен...

*

— Пошел к чёрту, мусор! — Мама тянула меня за руку подальше от вонючего дяди. Дядей был наш сосед, что порой встречался нам на лестнице и каждый раз что-то предлагал маме. Пахло от него всегда кислятиной.

— Я тебя, цыпа, — говорил он, — отжа-арю... Придёт время — отжа-арю, сладкую...

— Свинья! — говорила мама, оправляя короткую юбку вниз.

*

Для меня война началась во сне.

Просыпаюсь от пронзительного гула с улицы. Мама стоит рядом с кроваткой, приложив телефон к уху.

— Как сирены начались — так у него сразу приступ. Несильный, лекарства всё-таки держат.

Гул то нарастает, то затухает, то вновь.

— Ну и куда нам ехать, мам? К тебе в Мухомальск? Там даже лекарств от кашля не купить, ни говоря уж о наших... алло? Мам? Мама!

Взрыв. Визжат внизу машины. Ещё взрыв. Мама хватается за меня, прижимает к себе.

Взрыв. Взрыв. Грохот. У нас за дверью. Голос соседа:

— Открой, цыпа!

Дверь трещит, гнётся возле замка.

— Беги на кухню под стол и сиди тихо! — шепчет мама, опуская на пол.

Взрыв.

Я стою, тру глаза, смотрю на маму над кулачками. Она шарит по столу, сгребает мои лекарства в пакет, берёт ножницы.

— На кухню, я сказала! — кричит и толкает меня. Падаю, встаю, бегу на кухню, залажу под стол.

Взрыв. Взрыв. Крики людей на улице. Визг машин. Со сна — всё мутно и будто замедленно.

Грохот двери.

— Цыпа? — голос из прихожей.

— Свалил отсюда, мразь! Или я тебя сейчас к х...

— Тише, сладкая. Смотри, что у меня? Все его зовут Макарова, а я просто — Макар. Давай — по-хорошему?

Взрыв. С каждым разом всё ближе. Дребезжит стекло окна.

Странная тишина в комнате. Они ушли? Мама ушла? Я вылезаю из-под стола, иду в комнату, вижу: дядя сосед спиной ко мне, одной рукой что-то делает с ремнём, в другой держит пистолет. Мама — перед ним на коленях.

— Снимай блузку.

Мама снимает.

— Лифчик тоже.

Снимает.

Я шмыгаю носом. Дядя оборачивается.

— Какие люди!.. — Глаза соседа округляются, изо рта со слюнями вырывается вой. Он снова оборачивается, трясая рукой у зада. Визу страшное лицо мамы — она воткнула ножницы в дядю.

Кто-то сильно толкает меня вбок. Я лечу, стучаюсь плечом и головой об пол. Сквозь искры вижу: папа тоже здесь, мокрый с дождя, из ружья стреляет в дядю соседа.

Взрыв. Что-то разбивается. С потолка сыпется.

Я кричу. Слезы заливают взор. На щеках и губах — липкое и солёное. Визу папу. Он наклоняется, смотрит, вытирает мне лицо, говорит не орать. Рывком поднимает за руку, тащит к двери.

Но останавливается, отпускает. Заходит в комнату.

— Ты как?! — спрашивает маму, наклонившись. Пытается поднять. Мама — как кукла у Катьки в садике. — Проклятье! — Папа тащит её в коридор, кладёт рядом с дядей соседом.

Взрыв.

— Ваня, не ори! — орёт папа. Теперь он тащит дядю соседа в комнату. К разбитому окну. Приподнимает. Переваливает через подоконник — наружу. Возвращается за мамой.

— А-а-а! — я бросаюсь к маме, падаю на неё, обнимаю. Папа оттаскивает за майку — рвётся ворот.

Берёт маму под мышки, волочет по коридору в ванную. Мама оставляет красный след. Её голые живот и грудь измазаны рвотой.

Папа заваливает маму в ванну. Нырять мимо меня в комнату, с кровати берет матрас, несёт к маме, накрывает её.

Взрыв.

Я вижу. В голове свист.

Папа подхватывает, тащит на руках. Холодно. Размыто вижу стены подъезда. Лестница. Свист в голове нарастает. Всё тело сводит. Синий свет, будто идущий изнутри меня.

Мемуар 3 — Семья

— Кто это написал?!

— Писатель.

— Какой?!

— Вот я сейчас взял и всё рассказал.

— Взял и рассказал! Кто?!

— Я написал.

С ненавистью смотрю на активиста. Моя воля — сжигал бы таких на месте.

— Врёшь, урод.

— Снова обзываетесь? Понятые! Прошу зафиксировать оскорбление честного человека!

Понятые остались неподвижны. Писарша шлёпала по кнопкам. Рыкнул на неё — сжалась, спрятала руки под стол.

Вернулся с допроса в контору, в свой кабинет, швырнул Кеше на стол бумаги с рукописью.

— На экспертизу. Выясни, кто автор.

Кеша смотрел минут двадцать, внимательно читал.

— Так понимаю, это часть текста?

— С чего взял?

— Кончилось на самом интересном...

— Что тут интересного? Вражеская агитация! Теперь точно этого чорта в узилище засадим!

— Да, уверен... Если он автор, то, может, и жить ему недолго осталось.

— Точно не он. — Я закурил. Затянулся, покрутился в кресле. — Здесь — сложнее. Чую, целая группа работает...

Но и за хранение *этой* срок светит немалый, подумал, выпуская дым в потолок. Дым ударился о смоляное жёлтое пятно, растёкся кольцом.

— По ковру передавали, — сказал Кеша, — что царь Белогорья скоро тоже вступит в битву на нашей стороне!

— Давно пора. Сто лет уже собирается. И каждый год эту новость всё перетирают.

— В этот раз точно вступится! — Кеша даже подскочил. Очень любил транслировать. — Ваня, ну как можно этому не верить?

— Да я верю, — пробормотал, закрыл глаза и откинулся на спинку. Та отъехала в полулёжа. — Пять лет назад говорили: вот выберут Рогатиуса вместо Усатиуса канцлером Э-эС, и закончит битву! Ведь Рогатиус — старый друг Императрицы! Настолько старый, что сыпался, поднимаясь к трибуне.

— Ваня, — Кеша смотрел исподлобья. — Последний раз предупреждаю...

— Выбрали Рогатиуса. И что? Так и бьёмся.

— А ты что думал, огры перед Рогатиусом склонятся?! — Кеша вышел из себя. — Да ссали они на Э-эС! Только оружием их не брезгают: набирают в кредит, а потом платят жизнями!

— Кеша, хорош уже, — сказал я, чувствуя, что задрёмываю. — Смотри свой ковёр молча, без комментариев.

Кеша взбесился окончательно. Он обежал свой стол, подбежал к моему, затем убежал обратно и сел. Пыхтел, сопел, кряхтел, буравил меня взглядом.

И вечером в таверне сидел за соседней бочкой, злобно таранился. Ладно уж, подумал я, подошёл к нему, наклонился, приобнял и сказал:

— Давай! За Императрицу!

Кеша расцвёл.

— За Императрицу!

Выпили браги. И ещё. И ещё. Пока вся бочка не заставилась пинтами.

— Вон, смотри. — Я указал Кеше на бочку в тёмном углу. Сидели за ней три подозрительных плаща в сломанных колпаках.

— Пошли! — Кеша, взбодрённый хмельным, подскочил.

— Тише, — сказал я, успокоив его за плечо. — Сам буду говорить, а ты помалкивай.

Подошли, как нам казалось, крадче. Остановились, держась друг за друга. Колпаки не подняли голов.

— Здравья, бояре! — приветствовал я. — Разделим вместе трапезу?

Плащи напряглись, а Кеша уже упал на свободный табурет. Я тоже сел. Стали видны полулица — эльфы. Один из них поднял глаза, посмотрел на меня, улыбнулся.

— Конечно, капитан, — сказал эльф и снял колпак. Пепельные волосы словно засияли в полумраке. — Выпьем.

Выпили.

— О чём сейчас горюет эльфийский брат? — спросил я.

— Колпаки траурные, знаю ваши приметы! — встрял Кеша. Я пнул его в голень, чтобы заткнулся.

— Чего таить, капитан — сказал эльф. Голос его был похож на женский, но чуть низкий. — Друг наш, товарищ, известный Зарат Устра погиб на битве — попал в «разлом». Одну лишь руку нашли.

— Скорбим! — Я поднял пинту, и все подняли.

Не чокаясь, выпили. Помолчали.

— Когда же это наконец закончится... — Эльф вздохнул, надел колпак обратно.

— Кончится, когда победим! — сказал Кеша. Громче, чем нужно. — По ковру говорили — скоро переговоры!

— Да про них уже полвека говорят, — сказал эльф.

И Кешу понесло.

Рассказал он о величии Родины и её граждан. О мудрости Императрицы. О героях Битвы. О Гордомунде-Нашем. Эльф молча слушал.

— Да я! — раздался голос мужика на всю таверну. — Да я — писатель!

Казалось, что все глаза устремились на орущего.

— Да мои книги весь Союз читает! А ты — кто?! — Писатель тыкал пальцем в грудь другому доходяге. — Ты — вошь! Поэтишка! Грязь!

— Дуэль... — начало разноситься из углов. — Дуэль!..

— Дон Черноусов! — продолжал орать буян, уже держа за грудки противника. — Это я! Запомни!

— Запомни, — сказал я Кеше. — А лучше — запиши.

Кеша полез за пазуху за блокнотом и пером, вытащил, уронил, и, матерясь, начал шарить во мраке под ногами сидящих.

Противник Черноусова ловко извернулся и врезал писателю по бородастой роже.

Бочки полетели в стороны. Мужики, до селе зрители, теперь повыхватывали из-под задов табуреты и кинулись друг на друга. Кеша тоже подпрыгнул, но я силой усадил его на место. Эльфы в это время, шурша плащами, удалились к выходу.

Хозяин таверны — пузатый гном переросток — снял с гвоздя балалайку, провёл по струнам и, перекрывая гвалт, запел:

— *За столом сидели мужики и ели —*

Мясом конюх угощал своих гостей.

Все расхваливали ужин, и хозяин весел был,

О жене своей всё время говорил...

Табуреты и бутылки разбивались о спины, горбы и головы, кулаки летели в лица и под дых, трещали по швам рубахи.

— Ели мясо мужики, пивом запивали!

О чём конюх говорил, они не понимали!

(Король и Шут — Ели мясо мужики)

Писатель сидел на противнике и биял его пинтою, приговаривая: «Получи! Получи!»
Случайные мужики подхватили его под локти и потащили прочь.

— Пошли! — скомандовал я Кеше.

Вышли на улицу, увидели, как мужики заталкивают писателя в повозку.

— Э! — крикнул я им.

Обернулись, но не стали нас дожидаться.

— Стоять! — крикнул на бегу. — И-Бэ!

Повозка тронулась и стремительно удалилась.

— Суки, — сказал догнавшему меня Кеше, остановился. — Завтра пробей этого Черноусова.

*

— Такого дона в базах нет! — сказал Кеша, выглядывая на меня из-за экрана барса.

— Значит, либо соврал, либо псевдоним. — Я покрутил перо в пальцах, пожевал, воткнул в стол и поднялся. — Если кто спросит, скажи, что я в библиотеке.

Библиотека была недалеко — в паре кварталов от конторы, — поэтому не стал дёргать извозчика и пошёл пешком. В ватнике было уже жарко, снял его и нёс под мышкой. Утреннее солнце растопило снег, от луж поднимался пар. Я шлёпал сапогами по воде, брызжа на проходящих слишком близко людей. Те оборачивались с недовольной гримасой, но молчали. Терпели.

Библиотекарь — старый тролль с улыбкой на пол лица — на мою просьбу поднял мохнатые брови. Оказалось, за последние несколько дней я уже третий посетитель, кто спрашивает о Черноусове.

— Одна книга, — сказал тролль. — Всего одна была. Сейчас нет. Забрали.

— Кто?

Библиотекарь полистал журнал.

— Аполлон Вергилиевич Магомедов. Вернуть должен через две недели!

Активист! — понял я. Но никакой книги при его досмотре не нашли. Значит, нужен ордер на обыск жилища. Его может дать только мой брат...

— А кто ещё хотел взять эту книгу? — спросил я тролля.

— Не представился... — Тролль почесал в голове, вызвав взлёт тучки букашек. — Эльф какой-то. Колпак был, косой. Вот вчера приходил в этот час.

— Как называется книга?

— Та-ак... Кирилл Черноусов, «Безмолвие». Издано в Э-ЭС.

*

— В Империи разве запрещено переписывать от руки текст с библиотечной книги? — спросил активист.

— Где книга?!

— Вернул в библиотеку.

— Врёшь! Я там был, запись только о том, что ты её взял!

— Ну, взял, и что с того-то? Книга интересная, сюжет фантастический. Ещё раз вас спрашиваю: переписать часть текста себе в блокнот — преступление? Держите меня здесь уже три дня, не предъявив никаких обвинений!

— Не переживайте, — сказал один из понятых. — Дольше трёх дней без обвинений вас тут не продержат и...

— А они будут, обвинения! — перебил я. — Если не докажешь, что переписал свою клевету с той книжонки!

Активист рассмеялся.

— Доказательства — это по вашей части! Вот и доказывайте! А я ночью уже в этой стране не буду.

*

Пришлось выпить чаю в подземелье, чтобы попасть к брату. Знал об этом и подготовился — написал просьбу на бумаге. На пороге кабинета главы филиала ИБ я уже еле стоял на ногах — за спиной, размахивая костяной клешёй, пел балладу Грегор.

Брат сидел за огромным столом, за спиной во всю стену работали экраны барсов. Что показывали — понять я не мог, всё плыло.

— Самое утро, а ты уже в щи! — Брат подошёл и взял записку из моей руки. Прочитал, нахмурил брови. — Ты мне сейчас всё равно ничего объяснить не сможешь. Будет тебе ордер. Вон там ложись и проспись.

Но долго не проспал. Уже в обед вскочил. Всё ещё шатаюсь, огляделся. Брата не было. Тогда вышел, прошёл мимо спящего Грегора, поднялся в свой кабинет.

— Ваня! — Кеша вскочил со стула. — Наконец-то! Через пару часов судия волосачА отпустит! Ордер на обыск его халупы — есть! По коням!

*

Активист стоял перед судией. Тот в золотой рясе восседал на троне за огромным столом. Его благородные ветвистые рога были украшены розами.

— Покайтесь! — сказал судия и ударил по столу молотком.

— Не в чем, ваша честь. — Активист сцепил руки на груди. — За все грехи — уже расплатился.

— Обвиняют Вас в тяжком деянии, — сказал судия. — В оскорблении Императрицы.

— Виноват, ваша честь.

— В призывах к непотребствам.

— И это было, вину признаю.

— В государственной измене...

— А вот такого я не совершал.

Судия посмотрел на активиста, наклонил голову — из рогов посыпались лепестки.

— Сторона обвинения, давайте ваши бумаги.

Кеша передал мне папку, я — прокурору. Тот отнес судие. Активист весь вытянулся, даже встал на цыпочки: заглядывал, что же там.

— Это — листовки, — объявил прокурор. — Изъяты из жилища обвиняемого.

— Какого?.. — Активист затрясся. — Когда?..

— Могу пояснить. — Я поднялся, жестом попросил слово. Судия кивнул. — Листовки действительно найдены в его доме. Обыск был по ордеру, он в папке.

— Да это провокация! — заорал активист, но его быстро успокоил защитник, пригрозив ещё большим сроком за оскорбление судии.

— Листовки сделаны из текста книги. Кирилл Черноусов, «Безмолвие». Издано в Э-ЭС. Книга вот.

Я положил её открытую перед судией. Тот взял палочку, перевернул страницы.

— Эту книгу необходимо запретить и изъять из всех библиотек. А обвиняемого за измену Родине закрыть в узилище навсегда.

— Нет! — Активист упал на колени. — Да будь проклято всё ваше царство! — Защитник уже не останавливал. — Я не один! Мы освободим Родину!

*

— Знал, что не подведешь, — сказал брат и пожал мне руку. — Раскручивай.

— Мне б, — сказал я и отвёл взгляд. — Премию бы мне...

— Будет тебе премия, Ваня! — Брат пошлёпал меня по шее. — Да такая, что ещё лучше работать начнёшь! Мы ж благодаря тебе вернём нашего Кузьмича! А это — значимо!

*

Катя сделала праздничный человеческий ужин детям, нам же разлила по бокалам красной. Села рядом со мной. Справа от нас — сын Петя, слева — дочь Олеся. Олеся старше Пети, совершеннолетняя.

Доченька — моя гордость — заканчивала гимназию веры, и теперь, совсем как взрослая аскетка, носила чёрную форму, покрывавшую всю кожу, кроме как на пальцах и лице. Волосы тоже были скрыты платком. Училась она на отлично, знала все тексты веры, её книги и полотна. Из Олеси получилась бы первоклассная боевая ведьма — наизусть помнила все заклинания, на полигоне была лучшей в стрельбе огненными шарами. И это без свитка! Вот я — только со свитком стрелял. Мало во мне маны. Да и веры.

Петрушка учился в средней школе в классе с бесятами. Учился не очень, но зато в барсе разбирался лучше меня и Кеши и конторского техраба. Сначала я не понимал того, что целыми вечерами после школы сидит в маске и безумно колдует по кнопкам и рычагам, а когда он начал мне выдавать «Вести ЭС» в переводе на имперский — зауважал. Сын объяснил, что нашёл лозейку в стене, и теперь может читать тексты с осферы эльфов. На работе я, конечно, не обмолвился — светила мне за это, как родителю, измена Родине.

— Дети! — сказала Катя, подняв бокал. — Ваш папа — настоящий патриот! Рисковал, чтобы поймать бандита! И теперь тот за решёткой! Я всегда верила в тебя, милый. — Катя поцеловала в щёку.

— Пап, — сказал Петрушка. — А эльфы пишут, что этого дядьку, «свободного активиста» как они говорят, оболгали и незаконно посадили в темницу. Теперь эльфы готовят обмен.

— Ты, Петенька, читай, да не зачитывайся. — Я строго посмотрел на сына. — Видишь, какую ложь они плетут?

*

Сказал жене, что срочно вызвали в контору, и поехал к Наташе. Обещанную мышку от неё так и не получил.

Открыл своим ключом, зашёл, стряхнул снег с ватника. Моя любовь была дома, что-то читала.

— Ваня! — Она подпрыгнула, подбежала ко мне и обняла. Я поймал её губы своими. — Только больше не кусайся, — сказала она после недолгого поцелуя.

Я провёл рукой по её шее, скользнул ниже и сбросил бретельку с плеча. Наташа хитро посмотрела, улыбнулась, взяла за руку и увлекла в спальню.

После я лежал и курил. Наташа почёсывала коготками в моих кудрях, стучала по чуть отросшим пенькам рогов.

— Этот... активист, — сказала она. — Надолго в узилище, да?

— До первого предложения от эльфов.

— А... книга?

— Это та, с какой он гадости списывал? У судии оставил.

Наташа нахмурилась, вздохнула. Я спросил:

— Что не так?

— Заинтригована. — Она провела рукой по моей груди, опустилась до живота. — Ты же знаешь, как я люблю книжки. А эта так... озадачила. Принесёшь её мне?

— Глупышка.

Наташа обиженно хмыкнула и отвернулась. Её изгиб спины разжёл уголёк в моём сердце. Я провёл пальцем вдоль её позвоночника — белые волоски поднялись от кожи. Придвинулся, обнял сзади, взял за грудь. Прошептал:

— Книжку запретят. Не надо её тебе.

Наташа дёрнула плечом. Тогда силой развернул и прижался к губам.

*

На церемонию обязательно в доспехах. Были они чёрно-алые, с большими наплечниками. На тех — герб Империи. Я шёл по ковровой дорожке — красный плащ развевался за спиной, словно плащаница Гордомунда-Нашего. В кулаке сжимал боевой свиток. Свиток мне подали перед награждением. Теперь он мой.

Уполномоченный представитель двора вручил мне медаль. Коллеги хлопали, поздравляли. На этом церемония и закончилась.

*

Благодаря мне Кузьмича вернули на Родину, а этого активиста вышвырнули в огричьи земли с голым задом. Кузьмич провёл с семьёй трехдневный отпуск, в последнюю ночь в таверне с друзьями-гномами пропил всю недавно полученную компенсацию и вновь уехал на битву. Его бессрочный контракт никто не отменял.

Я сидел в своём рабочем кресле, смотрел на свиток. Никогда бы не подумал, что у меня будет собственное оружие. Хотелось испытать его, но знал, что на один только выстрел истрачу половину маны — придётся капаться красной полдня, чтобы восстановить. Помню, в армии стреляли, но то были учебные свитки, даже у обычного человека хватило бы сил на десяток выстрелов.

Подбежала мышка, села возле ног. Снял с неё письмо. Первая мысль — Наташенька зовёт. Развернул, начал читать до боли знакомый почерк. Вскочил, стул сгрохотал за спиной.

*

Папа рассказывал, что тогда чуть не выронил — не ожидал, что прямо на его руках у меня случится приступ. Унёс в подвал дома, где уже прятались те, кто успел.

После приступа я уснул. Папа положил меня на свою куртку. Одна из соседских бабушек дала шаль, укрыли.

— бедный мальчик, — говорила она. — А мама где?

Отец молчал.

Взрывы не утихали. Несколько раз ракета прилетала в дом. Тогда я вздрагивал, просыпался с визгом в ушах и голове, но папа успокаивал, и я снова проваливался в сон.

Я открыл глаза, но было также темно. Рядом кто-то храпел. Понял, что папа. Сколько прошло времени? И где мы? Почему так холодно?

Глаза со сна привыкли, и я различил коридор и спящих вдоль стен людей.

Папа вздрогнул — услышал мою возню.

— Ваня? Всё нормально? — Он вглядывался в разделявшую нас темноту, смотря почти в упор.

Я кивнул. Папа сел, ладонью тяжело провёл по лицу.

— Ты не бойся, — сказал он. — Нас отсюда скоро должны вытащить.

Скоро не наступило и после следующего моего пробуждения. Я захотел в туалет. Папа, вздохнув, повёл по коридору. У стен сидели и лежали люди. У сидящих лицо было подсвечено экраном телефона. Все молчали. В конце коридора была дверь, занавешенная плотной тканью. Здесь и был туалет.

— Аккуратно! — Папа включил фонарик телефона. На полу тут и там подсветились кучи. Пахло ужасно. — Делай свои дела в любом месте. Тут так можно.

*

Освободили только на следующий день. За это время мы успели попить слитой из труб воды и попробовать твёрдые чипсы, которые папа где-то достал.

После того, как через вход в подвал всё больше стал проникать свет, отец и ещё несколько дядь стали разбирать завал изнутри. Наконец выбравшись, папа, держа меня на одной руке, начал расспрашивать спасателей про маму. Может, кто видел? Вот фото в телефоне, посмотрите... Все только отмахивались.

Дом был почти разрушен. Кто-то сказал, что нам ужасно повезло — перекрытие подвала не рухнуло.

Всех выживших — и целых, и раненых — посадили в автобус. Посадкой руководил главный дядя в зелёной одежде. Поехали. Папа держал меня на коленях. Тогда я тогда подумал: едем к маме...

*

Не помню, как мы с папой оказались на улице. Окна почти всех домов темнели оскалившимися проёмами. На дороге позади нас — длинная колонна из автобусов и чёрных машин. Выходили люди, озирались. Бродили зелёные с автоматами, заглядывали под машины, пинали по колесам, курили, плевались.

Солнце почти село.

Папа нёс меня к ближайшему дому, в кусты. Там присел и посадил меня на колено.

— Сейчас не бойся, — сказал мне. — Немного побегим.

Выглянул, посмотрел. Вдруг вскочил и понёсся со мной к ближайшему входу в дом. В подъезде поскользнулся на осколках и упал, повернувшись спиной и приняв весь удар на себя.

Замерли. Папа крепко прижал меня к груди. Я слышал свист своего дыхания, сердце папы, скрип стекла под его спиной и ногами.

Папа лежал, забыв дышать. Много позже он рассказал мне, что тогда в его мыслях проносилось кадрами, как он любил маму, как она ему улыбалась, счастливая, беззаботная, держала за руку; как гладил ей живот, как скоро родился я, как положили меня ей к груди, как держал меня столбиком после еды, чтобы отрыгнулось, как болели всей семьей каким-то сопливым вирусом, как у меня начались приступы, и он со мной лёг в больницу, как он катил коляску по дворам, а рядом бежала мама — в поликлинику, ставить укол реланиума, потому что приступы не отпускали; как после клоназепама мне наконец стало лучше, и я смог спать, как потом я кричал от массажа и ЛФК, как начал кушать что-то кроме молока, смеяться, переворачиваться, вставать на четвереньки, стоять и садиться, как сделал первые шаги. Как у мамы началась депрессия, как её положили в психиатрическую больницу, а потом выписали — без особых изменений. Как она вспомнила своего бывшего любимого дядю, как изменила папе. Как он ушёл — не смог вынести этот груз обиды и унижения. Как началась война.

Не знаю, как долго мы пролежали. Я показывал папе, что хочу есть, а он только шикал. Наконец, он поднялся. Прихрамывая, понес меня по коридору подъезда, заглядывая то в одну, то в другую распахнутую дверь. Зашли в чью-то квартиру. Папа посадил меня на диван, начал шарить по шкафам, по комодам, подсвечивая телефоном. Нашёл мешок, стал что-то скидывать в него. Забрал у меня шаль той доброй бабушки из подвала, положил туда же. В одном из комодов нашёл детские валенки — одел мне их. Курточку со штанами — тоже. И шапку. Посветил на меня, я опустил взгляд и увидел, что в девичьем. Хотел возмутиться, но папа вновь шикнул.

Вынес меня на улицу и поставил. Теперь — сказал — иди своими ногами, но аккуратно. Пошли.

— Нам нужна аптека, — сказал папа, озираясь в темноте.

Аптека нашлась за углом, закрытая. Папа сильно дернул, толкнул дверь. Никак. Подошли к окну — створка чуть открыта вверх. Папа навалился, закричал. Створка треснула

и с грохотом провалилась вовнутрь — папа еле удержался. Поднял меня и поставил на подоконник, сам тоже залез.

В аптеке всё стояло на своих местах нетронутым. Папа зашёл за прилавок и начал шарить по ящикам. Что-то нашёл — положил в мешок.

— Где же твои?.. — сказал он.

Принес мне небольшой рюкзак, помог надеть.

— Тут у тебя лекарства, — сказал он. — Но твоих главных пока нет. Мы найдём.

Нашли только в третьей аптеке — во второй сработала сигнализация, бежали оттуда по тёмным дворам. Папа дал мне одну таблетку и записку из бутылочки. Затем положил мне в рюкзак три пачки. Должно хватить надолго.

В ларьке папа взял два сникерса — поест перед сном.

— Эй! — услышали, как только вышли. — Стоять!

Папа схватил меня и побежал.

— Стоять! Застрелю!

Послышались хлопки. Папа упал, накрыл меня собой.

— Вставай, мразь мародёрная. Вставай!

Папу пнули в бок. Он охнул, начал подниматься. Я тоже встал.

Перед нами — двое зелёных. Целились.

*

— Я невоеннообязанный, — сказал папа. Руки его были перемотаны скотчем за спиной, поэтому сидел на самом краю стула. Я — на стуле рядом, вжавшись, насколько мог.

Зелёный в фуражке, стоя над нами, рассматривал красную книжечку. Её папа отдал ещё там, на тёмной улице.

— Товарищ капитан, — сказал в фуражке, обращаясь к лысому зелёному, — Тогда куда его? Ментам?

— Ещё чего, — ответил капитан, покачиваясь. Он сидел за большим столом. На столе кроме трёх белых телефонов стояла только стеклянная бутылка. — За мародёрство в военное время — расстрел, — сказал он папе. — Понимаете, товарищ... как вас там?

— Я не мародер, — ответил папа. — Я честный человек... у меня ребёнок — особенный. У него эпилепсия, нужны лекарства, специальный уход, понимаете?..

— Когда тебя поймали, ты грабил ларёк, а не аптеку.

— Я очки разбил, понимаете? Мне теперь что ларёк, что аптека...

Капитан встал.

— Чего ты мне всё их тащишь? — сказал он зелёному в фуражке. — Сам не можешь разобрататься? Веди сразу к стенке и концы! А ребёнка сам знаешь куда.

— Товарищ капитан, а как же ваш приказ?..

— Какой ещё приказ? — Капитан взял бутылку, отпил. — Приказываю: расстрелять к чёртовой бабушке!

— А... где?

— В Пизе, Шариков, в Пизе! — Капитан швырнул бутылку в фуражку зелёному. Тот не смел отойти, лишь наклонил голову и охнул от звонкого удара. Не разбилась. — Щас я тебя научу.

Капитан начал шарить на поясе, матерясь, но так ничего не нашарил, сел обратно за стол.

— Как меня всё это задрало... — Ударил ладонью в лоб. — Свали, Шариков, умоляю! Водку ты принёс паршивую! Принеси нормальную! И своих этих заberi! Распредели, куда надо, нахрен! Приказ!

*

— Судия отдал книгу следователю, — сказал Кеша, пуча глаза. — Тот передал в следственный отдел. А в отделе её и нет.

— Какого чорта! — Я тряс письмом. — Откуда тогда это?! Кто прислал ту мышь?!

— Ваня, да я понятия не имею...

— Издеваетесь?! Обзавидовались, да?!

— Да разве я бы мог...

— Где эта проклятая книга?! Говори!

— Я уже сказал. — Кеша обиженно надулся. — Нет нигде.

— Да как вы тут все работаете! — Я вышел из кабинета, закурил, пронёсся по лестнице мимо женщин, снова поймал их укоризненные взгляды, покрыл их матом. Вышел на улицу и встал в испаряющейся утренней луже.

Куда? В библиотеку!

Троль выпучил глаза. Мой вопрос о том, где книга, остался без ответа.

— Могу посмотреть в карточке, где она есть ещё. — Ушёл к шкафу, долго рылся в нём, вернулся с одной бумажкой. — Единственный экземпляр в Империи хранился здесь, сейчас на руках у Аполлона Вергилиевича...

— Чорт!

— Позвольте, сударь! — Библиотекарь гордо вздёрнул бородку. — Я не чорт, а, на минуточку, благородный троль!

— Я не вам, простите. — Посмотрел на него. Тот щурил глаза. — А... как эта книга сюда попала? Это можно узнать?

— В карточке указано: с партией книг из ЭС. Переданы благотворительным фондом «Эльфы и кости».

— Можно посмотреть книги из этой партии?

— Что, все? Их больше сотни!

— Все. Сяду вот за тот стол? Тогда несите туда!

К вечеру я просмотрел все издания. Лишь детская литература и классика. Ничего, за что можно было бы зацепиться. Утомлённый троль вздыхал и пил водичку.

— Может, и вам налить? — предложил он.

Я уже изнывал, но благоразумно отказался. Стаканы тролли не моют.

— Больше книг нет? — спросил тролля.

— Книг — нет. Есть тетрадь, в ней опись. Подавать?

— Несите!

И в этой тетради, наконец, нашёл. Нашёл! Напротив потерянного «Безмолвия» приписка тем самым почерком: *«Направлено по особому запросу»*.

*

Библиотека никакой особый запрос не направляла. Троль чуть на колени не упал, уверяя меня в этом. Уже начал клясться в верности Императрице, как я махнул рукой и пошёл к двери.

Вышел в морозную ночь. Закашлялся, выпуская дышки. Закурил.

«Эльфы и кости». Их фонд ушёл из Империи после обострения битвы ещё в прошлый срок Императрицы. Партия книг, как сказал троль, пришла тогда же. Столько лет та книжонка лежала здесь, и вот сейчас понадобилась активисту, чтобы списать с неё всю ту ложь, сделать листовки и распространить?..

Осенило. Я бросил недокуренную папиросу, достал свиток. Так, на это уж моей маны хватить должно. Проверим?

Снял ватник, обвязал рукавами на поясе. Свитком очертил в воздухе бесконечность, произнёс заклинание. Почувствовал, как из лопаток, прорезая кожу и рубаху, вырвались кожистые крылья. Подпрыгнул и одним махом взмыл в снежную высь.

Домой прилетел уже через пару минут. Усталый и без ватника — потерял сразу у библиотеки. Маны затратил много. Надо тренироваться.

Сын уже спал. Пришлось разбудить и рассказать о деле. Петя кивал, потирая глаза и зевая, норовил лечь обратно, но я не давал. На шум зашли дочь и жена.

— Давай, — говорил я сыну. — Показывай, как ты читаешь эльфийские страницы?

— Па, ну, чего, прямо сейчас?

— Я тебе денег дам...

— А это уже другой разговор! — Петя вскочил с кровати и сел за барс. — Только маска у меня одна. Ты говори, что посмотреть, а я тебе передам.

— Разве я не могу сам через твою маску посмотреть?

— Па, твоё лицо теперь вся осфера знает! Засекут в два счёта!

Ладно. Сказал сыну, что нужно. Тот сделал губы в ниточку, покрутил глазами, что-то для себя понял и надел маску.

— Пап, записывай.

Я махнул жене. Та указала дочери. Катя метнулась за пергаментом и пером.

— Учредители фонда «Эльфы и кости»: Усатиус Средний и Катц Второй.

*

До Усатиуса я добраться не мог никак — недавно он баллотировался на главу ЭС, находился там же. А вот Катц... Этот фрукт был сейчас как раз в Империи. Более того — в Белокаменной. Кеша пробил мне о нём всё: действительно, был учредителем «Эльфы и кости», но позже вышел, предал всех родных и ушёл на битву воевать на стороне Империи. Был несколько раз ранен, награждён и демобилизован по состоянию ментального здоровья, получил гражданство Империи и пенсию за особые заслуги перед Родиной. Когда на экране барса наконец загрузился портрет Катца, мы с Кешей уставились друг на друга. Был это тот самый эльф из таверны, с ним пили за здоровье Императрицы несколько дней назад.

Мемуар 4 — Лицедей

Звезду выпустили по большой амнистии в честь девяностодевятилетия битвы. Звали её Кэтрин Магомедова. За эту самую барышню Кешу в своё время повысили в звании, но не наградили, как меня. Была это даже не звезда, а так, чудачка-иномирка с длинным языком. Таким, что дотянулся до самого уха Императрицы и опасно пощекотал. Представители императорского двора сочли это оскорбительным и направили заказ в нашу контору. Кеша и выполнил. Теперь выходит, что зазря.

Сидел он в своём углу и выл от горя.

— Да я столько всего на неё нарыл! — говорил. — Три тома! Писал, как твой писатель Черноусов: день и ночь! Есть забывал! Пить и выпивать тоже! Даже одно вливание пропустил!..

— Да, Кеша, жизнь такая штука. — Я курил и думал, на что же потрачу премию.

Подбежала мышка со шкатулкой на спине. Открыл, достал записку. Наташа просила на новое платье ко дню науки. Отсыпал монет, закрыл шкатулку и отпустил мышку.

Кеша уже сидел в маске и что-то выискивал в осфере.

— Ты погляди! — Кеша всплеснул руками. — Уж и билет взяла! Все они сразу валят, предатели!

На экране моего барса высветились вести Империи. Видеоряд освобождения амнистированных с заголовком: «Изгнание предателей Родины». Запустил.

Журналисты окружали предателей, тыкали в них очами. Виднелось здание узилища. Фокус сбивался, картинка размывалась, сменялась другим кадром. Предатели идут по перрону, стоят в очереди в вагон.

— О! Смотри! — крикнул я Кеше. — Звезда твоя!

Худая девушка в странном обтягивающем костюме смотрела прямо на нас, улыбалась, махала рукой.

— С-сучка... — выдохнул Кеша.

Девушка что-то крикнула. Показалось, что несколько раз одно и то же.

— Что она там орёт? — спросил Кеша.

— Был бы звук, поняли бы. — Я несколько раз просмотрел фрагмент. — Будто кому-то передаёт привет... Приве-ет, ах... Приве-ет ац... Спаси-и ша-ас... Непонятно.

— Вон у того журналюги слухо в руках. — Кеша ткнул в экран, оставив жирный отпечаток. — Он чей?

— А чорт его знает. — Пытался разглядеть нашивку шараги на его рукаве, так ничего не разобрал. — Давай, пробивай всех, кто там был. Запросим запись.

— Какая у вас тут вонь, ужас! — В кабинет зашла кровинушка, принесла обед. — Неужели нельзя курить на улице?!

*

Среди какофонии звуков перрона можно было различить визг звезды: «Привет, Катц! Привет! Спасибо, Катц!»

— При чём здесь Катц? — Кеша, сытый, пытался хмуриться и думать.

— Про того ли Катца она говорит? Имя популярное среди эльфов.

— Могу вызвать на допрос.

— Не надо, вдруг тоже смоемся за бугор. Вечером зайду в таверну, поспрашиваю.

После работы я шёл по скрипучей наледи. Воздух вокруг был похож на кристалл: светился гранями снежинок, колот лицо. Слышно было свежесть и шум цитадели — снова продували трубы. Из них с кашлем вырывался пар.

В спину ударило. Я полетел и упал на тротуар — ладони обожгло замороженной брусчаткой. Оттолкнулся, отскочил шагов на пять, развернувшись. Между лопаток жгло, будто там тушили папиросу.

В свете фонаря стоял мужик в чёрном балахоне, направлял на меня костёмёт. Я выхватил свиток и запустил огненным шаром. От неожиданности немного не рассчитал: шар оказался больше, чем нужно для обезвреживания врага. Шар врезался в мужика и взорвался. Горящее тело отбросило в ближайший ларёк-аптеку. Ларёк тоже загорелся. Аптекарь выскочил, побежал по улице с воплем, держась за лицо.

Всё помутнело. Боль разлилась по всей спине. Я упал, отполз к стене ближайшего дома, там и остался без сознания.

*

Очнулся в больнице. Рядом — не Катя с детьми, не Наташенька, не брат, а Кеша.

— Ну, наконец! — сказал он. — Ты бы знал, какой зуб из тебя вытащили! Целый осколок бивня!

— Кто стрелял? — Я попытался сесть, но боль повалила обратно.

— Из огров. Террорист. Сам знаешь, охотятся за нашими.

— А я при чём?

— Попался на пути. Он думал, что ты — твой брат. Так сказал начальник антитерриков. Вы ведь с братом — одной красной, похожи. В общем, Ваня, жив, и это хорошо!

— Я его взорвал?

— В клочки! — Кеша победоносно затряс кулаками и захохотал. — По всей улице собирали для опознания! Антитеррор в шоке! Это же, считай, их косяк, вот они и соскребали огра с окон, стен и тротуаров! Всем отделом трудились!

Кеша вынул из-за пазухи ватника газету, протянул мне. На первой же полосе заголовок: «Раненный в спину сотрудник ИБ нейтрализовал опасного шпиона огров».

— А премию дадут? — спросил Кешу. Тот снова рассмеялся.

*

Вылечили за два дня двойными вливаниями и отпустили. Вернулся домой. Жена на работе, дети в школе. Сел перед ковром. Показывали битву.

Выжженная равнина. Редкие скелеты деревьев. Вдалеке зарево пожара. Текст на ковре «Это наша земля! Вот, что с ней сделали фашизм и нацизм огров!» Шеренги имперцев. «Но мы защитим Родину!» Орава огров: ободранных, грязных, оскаленных, с красными глазами, с костемётами в лапах. «Мерзкие отродья падут!» Мёртвый дракон с «ЭС» на крыльях. «Эльфийский союз принял тёмную сторону!»

Зарделось знамя Империи.

Я закурил. Встал, подошёл к окну, отдёргнул штору. За ней — соседний дом. Пустые окна, ни одного движения. Днём все заняты. А я? А мне что делать?

На ковре флаг сменился памятной передачей. Ровно сто лет назад, когда Императрица только взошла на престол, поезд «Империя» сошёл с рельсов на великом мосту и упал в пролив. Из пассажиров выбраться никто не смог, они утонули. Ковёр листал исторические кадры спасательной операции. Вот стоят на берегу кикиморы, улыбаются во все острые зубы. Вот плывут они на множестве лодок, загребая лапами. Вот неизвестный офицер руководит их погружением. Вот снаряжённый кашалот тащит на берег локомотив (спасти удалось только его, ходит до сих пор).

Передача навеяла тоску. Я вздохнул, стал бродить по квартире. Забрёл в комнату жены — идеальный порядок, не интересно. В комнату дочери — везде книги. Видно, готовится моя девочка к последним экзаменам. Взял одну из книг с кровати, раскрыл на закладке. «Империя ценой больших потерь одержала победу над фашиствующими нацистами — тёмными эльфами. Тысячелетие прошло, и чернь вновь поднимает голову (см. главу 23)». Перелистнул в

начало главы. «После победы на выборах Адальф, теперь уже Верховный тёмный эльф, приступил к объединению разрозненного эльфийского королевства. Все княжества практически без сопротивления стали частью его тёмного царства. Почувствовав силу, Адальф пошёл войной на Святую Империю. Первой на его пути оказалась Огрия, тогда входившая в состав Империи. Огры предали свет и присягнули Адальфу. Уже тогда было понятно их предательское нутро (см. главу 23)». Отложил книгу, вышел. Дёрнул дверь в комнату сына — заперто. С каких это пор?.. Нагрел ручку, чуть приложил магическое усилие и открыл.

Барс был включен, по экрану двигались строчки рун. Сел на стул сына, взял его маску и надел. С бульканьем в ушах провалился в чёрную жижу. Вынырнул в хабе эльфийской осферы.

Что делает любой родитель, когда ловит своего ребенка-подростка за непотребством? Краснеет и отключает барс. Мне же стало интересно, что скрывается за дверью с картинкой полуобнажённой эльфийки в интересной позе? Вошёл. Неожиданно, но ничего того, о чём я думал, там не оказалось. С дублирующего экрана барса на меня смотрел... Эльф Катц. Был он без сломанного колпака, без плаща, но в ватнике. Сидел за столом, сложив руки. Неподвижно.

Я понял, что это запись передачи. Запустил. Катц ожил и картаво заговорил:

— Пару дней назад было совершено покушение на одного из работников филиала имперской безопасности капитана Ивана Васильевича Чая. Стрелял, как нам известно, огр Бойко — внедрённый агент Огрии, совершивший в Белокаменной не один террористический акт и до недавнего времени ускользавший от органов правопорядка. В одном из предыдущих роликов мы уже рассказывали про него и его деяния. Но всё кончается: Бойко был убит ответным выстрелом. Знаменитый огр облажался, причём два раза подряд. По последней информации из эльфийской прессы целью атаки был совсем не капитан Чай, а его двоюродный брат, занимающий ключевую должность в иерархии спецслужбы. Поговорим об этом подробнее после небольшой рекламы. Пожалуйста, не переключайтесь!

Откуда у него информация? Врёт, что из СМИ ЭС. Кто информатор в ИБ?

— Как появились иномирцы? По официальным данным, сто лет назад гномы-друиды Белогорья, проводя эксперимент в институте Правды, открыли портал в иной мир. Схлопнулся портал спустя секунду, но и этого хватило, чтобы из него выпало огненное яйцо с иномирцами внутри. Сколько их и кто они? Неизвестно. Знаем мы лишь самых выдающихся. Например, Кирилла Черноусова — в своём мире гонимый, здесь стал настоящей знаменитостью. Кто не слышал о его книге «Безмолвие»? Кажется, что у каждого эльфа имеется экземпляр. Тем не менее, хочу вам её посоветовать. Заказать можно по ссылке в описании. Внимание: на территорию Империи доставка мышинной почтой невозможна, информация для заказа — по второй ссылке.

Я перешёл по второй ссылке. Нужно указать номер счёта для оплаты покупки. Указал. Выскочил баннер, что всё удалось, информация о местонахождении покупки будет спустя пару дней здесь же. Ещё предлагалось заполнить анкету и стать закладчиком.

— Так, Петенька, — сказал я, снимая маску. — Лишён ты барса на неопределённый срок.

*

— Нарыл инфу на этого Катца, — сказал Кеша и подал мне карточку.

Кроме уже известного, указан адрес.

— Накроем? — Кеша хлопнул в ладоши.

— Тише. — Я положил карточку на его стол. — Силой здесь не будем... — Хотел рассказать, что узнал и увидел в барсе у сына, но передумал. Лучше о таком молчать. — Поступим так: от имени журналиста вестей Империи пиши ему приглашение на интервью и отправляй экспресс-мышью.

— А кто журналист?

— Кеша! Конечно, ты! — Похлопал его по плечу.

*

Подключили к Кешиным мозгам транслятор — техраб возился весь вечер, просверлил три дырки в черепе бедняги. Наконец, попал, куда нужно. Антеннку спрятали под чёрным колпачком. Стало похоже на растущий рог.

Нарядили Кешу во фрак. Набрызгали духами. Побрили, приклеили пышные усы.

— Я на свидание к первой жене так не собирался, как к этому Катцу, — сказал Кеша, разглядывая себя в зеркало, растянул верхнюю губу — обнажил передние зубы-клыки.

До встречи оставалось меньше получаса, и Кеша отправился в назначенное место — в рюмочную «Фаворит». Была она на площади Независимости, в паре кварталов от конторы. Я надел маску, через осферу подключился к транслятору Кеши.

— Чорт! — вскрикнул я и спросил рядом стоящего техраба: — Какого лешего вижу только через один глаз?

— Чего? — отозвался Кеша. Он тоже меня слышал.

— Не тебе! — Я пошарил рукой рядом с собой, пытаюсь схватить техраба.

— Не знаю я, — ответил тот. Отскочил, падла. — Наверное, попал в одно полушарие мозгов, а не в оба, как нужно.

— Кеша! Скажи что-нибудь?

— Что сказать?

— Да чтоб тебя, техник хренов! Одним ухом слышу!

— Ну, слышно ведь? И видно ведь? Пошёл я.

— Стоять! — Но техраб уже хлопнул дверью.

Я видел, как Кеша сошёл с повозки, направился к рюмочной.

— Ай! — Всё зашаталось, поплыло.

— Кеша! — крикнул я. — Меня и без того мутит, ты ещё башкой вертишь!

— Споткнулся. Об поребрик.

Катц сидел у окна — увидели его ещё снаружи. Зашли, поприветствовали эльфа. Уселись напротив.

— Давно не встречал единорогов, — сказал Катц, указав подбородком на антенну под колпаком.

— С детства такой, — начал сочинять Кеша. — Злокачественный. Спилить — ещё больше вырастет!

— Не завидую... — Катц опрокинул в себя рюмку. — Так что, собственно? Начнём?

— Кеша, — сказал я у него в голове. — Повернись левым ухом, ничорта ж не слышно!

— Так точно, — ответил Кеша и начал: — Господин Катц, скажите, как вы относитесь к битве?

— Положительно, — не сомневаясь, ответил эльф. — Тем не менее, жалко мирных. Нужны скорее переговоры и, наконец, мир.

«Замирещ» записал я в блокнот не глядя.

— Кем работаете?

— Хм... — Катц прищурился. — Скажем так: лицедей.

«Лицемер».

— Что это значит?

— Выступаю перед публикой, рассказываю новости, рекламирую товары.

— Что рекламируете?

— Книги, в основном.

— Хорошо, ещё скажите...

— Иннокентий, простите, а мы раньше не встречались?

Кеша замер. Ещё никогда он не был так близок к провалу. Ведь встречались, в таверне. Но эльфы тогда знали только меня, а его видели впервые.

— Усы не отпали? — передал я Кеше. — Узнать не должен! Отрицай!

— Думаю, нет... Может, видели меня по ковру? И прошу вас, называйте просто Кеша.

— Я дико извиняюсь, Кеша. Тысяча извинений! Но покажите ваше удостоверение?

Тут агент уже не растерялся и вынул карточку журналиста, протянул. Катц взял, поглядел, нахмурившись. Усы совпадали. Вернул и сказал в сторону:

— Эй, человек! Подай нам ещё одну рюмку и бутылку горькой!

Принесли, налили. Кеша и Катц чокнулись, выпили.

— А я вот, — сказал Кеша и начал копировать манеру Катца. — К вашему сведению и, возможно, сожалению, к битве отношусь отрицательно!

— Молодец! — прокомментировал я. — Разводи его!

Катц с недоверием посмотрел на Кешу.

— Право, удивлён. Не боязно заявлять в открытую?

— Нет! — Кеша вздёрнул подбородок. — Я, на минуточку, представитель СМИ! Могу вас заверить, что в Империи свобода слова! Гласность и правда не наказуемы! А правда вот в чём: битва только и есть за счет того, что Эльфийский Союз спонсирует сопротивление! Если бы не их вмешательство, Огрия уже давно бы пала! Так вот, я, как и вы, считаю, что битва должна закончиться как можно скорее. К этому вопрос: почему вы тогда её поддерживаете?

— Кого?

— Битву!

Катц задумался.

— Я не говорил, что поддерживаю. Я говорил, что отношусь положительно.

— Почему?

— Если я вам скажу, что начальная цель битвы: крайнее искоренение нацизма и фашизма в Огрии — оправдывает все средства, и я отношусь к этому... положительно. Такой ответ устроит?

— Повторили методичку с ковра. Устроит только честный ответ!

— Честный? Хм... Я отношусь к битве положительно... потому что все так отвечают?

— Ещё честнее!

Катц рассмеялся и сказал:

— Потому что не хочу в узилище, если отвечу по-другому. Давайте выпьем!

Они выпили, а я записал в блокнот: «Врёт».

— Вы не знакомы с иномиркой Кэтрин Магомедовой? — спросил Кеша.

— М-м... не-ет, не припоминаю... А к чему, собственно, вопрос?

— А она вас очень знает, любит и передаёт привет!

Лицо Катца не изменилось. Казалось, он действительно не знает и не помнит.

«Врёт 2».

— Хорошо, — сказал я Кеше. — Но за доказательства не сойдёт — извернулся, гад! Спроси его про книгу Черноусова.

Кеша спросил.

— Не понял вопрос? — Катц снова сощурился.

— Скажи, что смотрел его ролики.

— А! Вы про рекламу? Черноусов заплатил — я прорекламирровал. Ведь так оно и работает, правда?

— Спроси про ссылку для покупки в Империи.

— А вот это уже не ко мне. Это требование рекламодателя. Я в подробности не вдавался, но, насколько знаю, книги Черноусова не запрещены в Империи.

— Почему тогда их распространяют закладчики?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.